

РАССКАЗ СТАРИКА ПРО СТАРИКА

Даже для жаркого июня ночь выдалась на редкость душной. Воздух в операционной превратился в плотную влажную субстанцию. Под восьмислойной, как положено, маревой повязкой я задыхаюсь уже третий час. Пациент шире стола с распластанным лягушачьим животом. Человек-гора с прободной язвой желудка и перитонитом. Операционная сестра без сил, откровенно висит на своём столике. Оператор – грузный старик промок так, что со стороны можно решить, что он только что прямо в халате окунулся в воду. Сестра периодически берёт корнцангом салфетки и сушит ему лоб. Чтобы едкий пот не заливал глаза, а главное не капнул в рану. Дышит он как загнанная лошадь. Громко и хрипло. Только, считай, пена не летит. Однако успевает ругаться на меня. «Кто тебя так учил держать Фолькмана?» – и уже к сестра – «Дай Фарабефа! Жир лезет в рану. Ни хрена не видно!». Я тяну крючки так, что, кажется, ещё немного и разорву пациента от подбородка до лобка. Чертов анестезиолог явно недодаёт релаксантов. Наконец перфорация ушита и затампонирована сальником. Дренажи. И команда «кетгут». Значит, начинаем шить брюшину и виден свет в конце туннеля. Анестезиолог, наконец, подаёт признаки жизни и начинает крутить Полиаркон, сбавляя фторотан. Я убеждён, что Бог, придумал анестезиологов в пику

хирургам. Чтобы в любую секунду не оставлять тяжкий труд хирурга без презрительного внимания последних. Мы в эту адскую жару упакованы в халаты, бахилы и колпаки. А у этого анестезиологического хмыря маска сдвинута под нос, а ноги вообще босиком в сабо. Мало того, он в любой момент готов слинять из операционной, бросив всех нас на произвол судьбы и анестезистки. Нет, решаю я сам про себя, как бы не повернулась судьба в дальнейшем, но в такие придурки я не пойду ни за какие коврижки. Я – это после четвёртого курса, на летней практике, ни хрена ничего не знаю и не понимаю главного – никогда не говори никогда. Потому как впереди окажется 42 года анестезиологии-реанимации. Но это в неведомом впереди, а сейчас на меня орут: «Кто тебя учил так вязать узлы! Не дай всемилостивейший боже! Решат, что я! Да мне потом всю жизнь гореть со стыда и после смерти в гробу ворочаться!» Я смотрю на него исподтишка со скептицизмом. С его одышкой и стенокардией стыдиться меня ему долго не придётся. И вообще, в его возрасте надо дома спать в своей постели, а не у операционного стола инфаркт зарабатывать.

Наконец мы в ординаторской пьём чай. В жару лучшего напитка не придумать. Доктор обмяк, задумался и явно где-то не здесь. Неожиданно говорит.

– Не обижайся. В нашем деле без эмоций невозможно. А ругаться на ассистен-

та, считай, ритуал. Но если хочешь чего-либо достичь в профессии, то постоянно будь недоволен собой и учись. Работай и учись, учись и работай.

Я вежливо молчу. Да и сказать мне по существу нечего. Ко всему хочется спать. Но едва ли получится, так как постовая предупредила, что специально поменялась сменой под меня. Сама не заметив откровенной двусмысленности сказанного. От жары или по какой иной причине, халат у сестрички одет практически на голое тело. Под мышками образовались тёмные круги, и мне чудится неуловимый запах мускуса. Вырез халата демонстрирует, что её лифчик прослужит долго – его берегут и не надевают на дежурстве. Но старик-хирург с изломанным постоянными дежурствами биоритмом не собирается спать. И мне не даёт. Его потянуло на воспоминанья, которым я из вежливости внимаю. Боже! зачем ты послал прободную язву и старого зануду, поманив вначале многообещающим декольте нарочито небрежно застёгнутого халатика?! Я изображаю заботу. Иду смотреть пациента в палату, а вернее, в декольте халата. Пациент храпит, капельница из красной, потрескавшейся от многократных стерилизаций, резины вливает живительный физраствор. Надо же оказаться в такой периферии, где даже не подозревают о существовании одно-разовых систем! Этой районной больнице кроме медсестёр похвастаться нечем. Возвращаюсь с надеждой, что доктор угомонился и, приняв мой рапорт, отправится баиньки. Но нет! Старик явно решил докопаться до меня своей биографией.

РАССКАЗ ДОКТОРА

Сегодня особенная ночь. Точно такой же июньской ночью, даже дата дня совпадает, в моей жизни произошло главное событие. Теперь, на седьмом десятке, я могу

заявить об этом с полной уверенностью. Ты похож на меня тогдашнего. Даже возрастом мы совпадаем, и я тоже тогда окончил четвёртый курс мединститута. Сдал сессию автоматом и отправился к тётке в Минск. Это вы теперь по Чёрным морям шлындридите, а в наше время поскромней отдыхали. Первый день я решил посвятить общему знакомству с городом. Пробежался по проспектам, перекусил пирожками с газировкой и утомлённый жарой решил отдохнуть в скверике поблизости. Скверик оказался кладбищем. Старым заброшенным еврейским кладбищем, на котором уже верно и не хоронили, а гуляли. Я нашёл место на скамейке под плотной тенью каштана и расслабился. И вдруг! Именно вдруг без всяких прелюдий! У меня внутри словно пружина распрямилась и швырнула со скамейки. Не осознавая, что происходит, я пошёл по узкой дорожке. Навстречу шла девушка с копной чёрных кудрей. Мало того что волосы вздымались над головой, путаясь в солнечных лучах, они стекали с плеч, скрывая руки и сами плечи. В тот момент я даже не видел её лица, фигуры и в чём она одета. Только её глаза и волосы. Мы сошлись, как два дуэлянта, что решили стреляться в упор. Ни одного слова! Наши объятия и губы сомкнулись. Небо перевернулось вместе с кронами деревьев в нём, а земля упала под нас. Даже теперь, сорок лет с гаком спустя, когда я знаю так много про человека, исполосовав не одну тысячу и побывав во всех закоулках организма, я не понимаю, что тогда произошло. Нет, нет, не надо! Современный опыт всё опошляет и девальвирует. Невинная девушка и молодой человек с опытом двух поцелуев в щёчку на катке вцепились друг в дружку с невероятной страстью, почти в бессознательном состоянии. Когда мы смогли в краткой передышке освободить губы, мы успели назвать только свои имена. Всего на секунду она выдохнула своё имя. Губам было не до слов. Мы мешали

дыхание, сладость мёда и молока под языком. Внутри, снаружи, над всем миром звенело её имя – Нэлла! Нэлла! Нэлла! Две недели безумия.

Она рассказала, что уже в прошлой жизни у неё есть жених. Он очень нравится маме. Весьма приличный молодой человек. Почти инженер. Аккуратен, хорошо одевается и носит маме букеты. Имеет солидных родителей. «А главное он из наших». «Из каких, наших?» – не понял я. Она захохотала и пояснила: «Он еврей». И, видя мой недоумённый взгляд, захохотала ещё громче – «Ты не понял, с кем связался?! Теперь поздно предупреждать, но мало того, что я еврейка, я из тех, кто любит до самой смерти и чуточку дольше. У нас так в роду принято. Однако мама будет расстроена русским зятем. Да-да зятем. Надеюсь, ты не думаешь отвертеться от нашей вечной любви? Даже и не смей!».

– А папа?

– Папа правильный. Настоящий коммунист. Красный командир. Командует батальоном химзащиты. У него всё засекречено. Даже от нас. Да что от нас! Он, когда с товарищами сидит на кухне, прежде чем что-то обсудить по службе, проверяет, не притаилась ли за дверью кошка. Ему всё равно. какой ты национальности, но в партии ты состоять обязан.

– С партией и с папой, конечно, попроще, чем с маминой установкой.

– Не переживай. Говорят, если чай без сахара тысячу раз помешать – он становится сладкий. После миллиона моих поцелуев случится любое чудо, и ты полюбишь фаршированную щуку, которой тебя будет кормить моя мама каждый праздник. Потому что, как говорит мама, праздников без фаршированных щук не бывает! А если серьёзно, я хочу забеременеть. Как можно скорее. Как хорошо, если бы я уже была беременна. Но меня совершенно не тошнит, и я до обидного себя хорошо чувствую. Когда мама носила меня, её

тошнило на всё. Даже на папин одеколон! Я клянусь! Меня не будет тошнить на твой одеколон! Честное слово! Ни капельки!

– Вообще-то до роддома рекомендуется посещать ЗАГС.

– ЗАГС, платье! Это здорово! Но надо же ждать! Давай прямо сейчас поженемся!

– Как? Прямо сейчас? Нужны свидетели, а тут лишь одни покойники. Пусть это народ надёжный, но малоподъёмный.

– Тогда обручимся. Нет-нет, кольца сейчас будут.

Она плетёт из сорванных над головой травинок кольцо. Я отыскал тоже былинку и по всем правилам хирургии навязываю узлы в подобию колечка. Потом мы обмениваемся кольцами. Её кольцо, несмотря на все мои узлы, неожиданно рассыпается. Ею же скрученные для меня травинки надёжно оплели мой палец. Нэлла удручена. Плохая примета. Огромные глазищи. Эта примета для неё – неправда.

– Неправда! Неправда! Неправда! Я никуда, никогда от тебя не денусь! Никогда! Клянусь!!! Ты тоже клянись!

Нэлла! Нэлла! Любимая! Твой голос. Твои глаза. Чернота зрачков без дна. В них падаешь и переходишь в иные галактики. Чёрная бездна волос, в которую стоит зарыться, день превращается в ночь. Губы – жадное жерло вулкана. Они поглощают и пышат огнём. Я не верю и не понимаю своего счастья. Боюсь, что в какой-то момент её огромные глаза разглядят меня, недостойного этого счастья. Я боюсь, но я счастлив.

Тётка захотела с ней познакомиться, договорились встретиться в кино. Я побежал в кассу за билетами, а тётку оставил снаружи ожидать Нэllu.

– Как я её узнаю? – спросила тётка.

– Очень просто. Увидишь самую красивую девушку.

Тётка не обозналась. Осторожно погладила Нэllu по волосам и заметила:

– Похоже, в вашем роду с лысынами в следующих поколениях будет покончено, –

намекая на моего отца, старшего брата и, видимо, меня в перспективе.

За три дня до окончания моих каникул мы наконец, преодолев мамину валерьянку, её труп и абсолютное папино непонимание, собрались в ЗАГС. Договорились на утро следующего дня.

– Хорошо, ночи в июне короткие, – радовалась она.

– При чём тут июнь? – смеялся я, – ЗАГС всё одно начинает работать с десяти часов.

– Ты не понимаешь. Когда светло, то кажется, что утро уже наступило и ждать осталось самую капельку!

Утром, однако, она оказалась опечалена.

– Мы не сможем пойти в ЗАГС. Вечером папа получил приказ. Его переводят в Прибалтику, вроде куда-то в Литву. Командиром полка. Через пять дней надо быть на месте. Он же у нас такой секретчик, что даже не сказал, куда конкретно. Заявил, что всё узнаем по прибытии в точку назначения.

– Поехали со мной. Делов-то, поженимся у меня в Ленинграде.

– Ты с ума сошёл! Кто же отпустит папу на свадьбу в Ленинград?! Его тут-то дёргают в часть практически два раза за сутки, даже в выходные. Нет, жениться будем как следует, на новом месте! Завтра, как провожу тебя, начну помогать маме собирать вещи. Она и так на меня дуется и говорит, что у меня кроме шашней не осталась в голове совсем ничего. Про семью и родителей забыла совершенно. Про девичью честь вообще разговора нет. А ведь такая образцовая девочка была! Всем соседям на зависть! – смеётся, закидывая голову, и чёрный водопад падает до земли. – А теперь? Оторва! Мама говорит, что бог покарал её за язык. Слишком много судила о других. Та вместо уроков в кино с мальчиком убежала, эта весь вечер сидела на скамейке с ухажёром, и по предположе-

нию соседки с третьего этажа, там даже целовались. Если даже и не целовались, то имели определённое предрасположение к этому, – передразнивает она мамин голос.

– А тут родная дочка, отличница, медалистка сорвалась со всех катушек. Если тетя Соня узнает, то они всей Одессой просто сойдут с ума по такой беде! Мама даже не знает, как им всем-таки писать про такое.

– А как я тебя найду? Ведь даже адреса, получается, нет.

– Я тебе буду писать с каждой остановки поезда, где только есть почтовый ящик, а как только приедем, первым делом побегу на телеграф, чтобы ты знал, куда покупать билет.

На перроне она вдруг заплакала.

– Я самая счастливая! Я так боюсь! Мне кажется, мы ничего не успели! Мы ведь, правда, всё успеем ещё?! Всё, всё, всёшеньки! Я буду любить тебя всю жизнь! Ты тоже поклянись! Тысячу раз! Нет, всю дорогу! Всё время, пока будешь без меня!

Поезд медленно набирал ход, в какой-то момент даже остановился. Словно давая шанс. Но я не понял. Не спрыгнул, не побежал к ней. Гори билет, учёба и все то, что казалось архиважным тогда, не имея смысла и памяти сегодня. Мы постоянно упускаем самое главное своей жизни. И теперь, на исходе бытия, настоятельно рекомендую совершать безумные поступки – опыт показывает, они самые разумные.

Перрон, люди на нём, отдаваясь, сливались в серое пятно, но ещё долго я видел волосы своей любимой. Ветер, а не я шевелил их.

О НЭМЕ

Дома её все звали белочкой. Меня она сразу предупредила так не называть. У меня должно появиться для неё своё имя. Только не надо придумывать. Оно появит-

ся само. Как капелька дождя, просто упадёт и всё.

Своими волосами она гордилась и постоянно с ними воевала. Ходить в школу лахундрой нельзя, а заплести такое количество просто невыносимая работа. Косу ей плели порой всей семьёй и на всю неделю. Самое страшное происходило после ванны. Голова превращалась в огромный чёрный шар. Папа называл эту причёску, хотя это была не причёска, а происшествие, взрывом на чернильной фабрике.

Когда мы пошли знакомиться с её родителями. Она предупредила, чтобы я «обязательно не забыл коробку конфет».

– Для мамы, – уточнил я.

– Для мамы. Но съест их папа. Он у нас ужасный сладкоежка. Представляешь, грозный красный командир, а в отношении конфет хуже ребёнка, как мама говорит. В прошлом году праздновали мамин день рождения, все пришли с цветами и конфетами соответственно. Праздничный стол, патефон, танцы, а потом, когда сели пить чай, – полный конфуз. Мама открывает коробку – там пусто, следующую – то же самое, и так четыре штуки. Нет, в последней спаслась пара конфет, и то только потому, что мама его срочно, в тот момент, вызвала помочь на кухне. Когда гости разошлись, мама поблагодарила, что хоть цветы уцелели. Причём конфеты папа ест особо. Знаешь, как рыбы глотают? Не жуя, целиком. Мама даже как-то пыталась учить его правильно есть конфеты. Подержать во рту, медленно жевать и помаленьку проглатывать. Без толку. Мама махнула рукой. Слава богу, что хоть фантики снимает.

Как-то она сказала мне:

– Если бы мы не встретились, то я бы закончила институт, вышла замуж за своего жениха, родила бы двоих детей, была верной женой и заботливой матерью, доработала бы до пенсии и, наверное, была бы вполне счастлива. Но сейчас мне понятно, как страшно несчастлива я была бы.

И каменную от ужаса нашей возможной невстречи в тот день на том кладбище... Кстати, ты зачем туда пришёл? Просто посидеть? А я ... нет, такое нельзя говорить... но я всё равно расскажу. Так переволновалась на экзамене, что выскочила из института не помня себя от радости. Пошла домой пешком и жутко захотела в туалет, невтерпёж. Деваться некуда, зашла на кладбище, иду на деревянных ногах и тут ты. Нет, не ты. Что-то другое. Огромное. Больше всего мира и всей вселенной упало в меня. – И тут же переход на практическую сторону. – Кстати, в туалет из-за тебя я так и не сходила тогда.

А однажды я сделал открытие. На долгом солнце, на закате, её волосы вдруг начинают отливать рыжиной. Чёрные как смоль и вдруг рыжинка. Она засмеялась.

– Ничего удивительного. Не зря нас испанская инквизиция жгла на кострах. Особенно черноволосых. Нас ведь считали ведьмами. Способными менять цвет и превращаться в кошек. Понятно, жуткое мракобесие, но иногда стоит признать, что в этом есть чуточку правды. Не веришь? Вот погладь меня! Нет, не тут! У вас дома что, вообще не было кошек? Около хвостика их не глядят! Тут они сами обходятся. Надо за ушками, по спинке, а потом животик... и не так! Самыми кончиками пальчиков. Вот правильно!.. Так уж и быть, можно и хвостик... Сейчас замурычу!

НЭЛЛА

В конце июня я должен был прибыть на практику в весьма серьёзную клинику. Запланировал, что выбью себе неделю отпуска по семейным, ах как звучит! обстоятельствам и моментально в Литву. Телеграмма с адресом должна прийти максимум послезавтра. Тогда билет, хоть без билета, но к Нэллочке, Нельчонку и прочая тыща ласковых имён. А там уже головная

боль родителей совместно их новоселье с нашей свадьбой. Откуда-то возникло нелепое переживание – а хорошо ли работает почта в воскресенье, и доставят ли мне телеграмму?

Никакой телеграммы я не дождался и никуда не поехал. Потому что воскресенье пришлось на 22 июня. Во вторник мы собрались в актовом зале. Составляли список добровольцев. Когда список был готов, появился руководитель кафедры по военной подготовке. Что поразило, в стране война, а он тщательно выбрит, отужен и пахнет Шипром. Прямо не на войну собрался, а на свидание. Мы взяли его в плотное кольцо и загалдели все разом. Он не стал слушать. Приказал занять места. Когда курс расселся, тут же вскочила наш комсорг, две косы в разные стороны торчком, и заявила, что все девочки тоже пойдут на фронт и, пожалуйста, не надо им чинить препятствия. Военрук приказал молчать. И заговорил, медленно роняя слова, словно тяжёлые шары:

– Воевать, значит, собрались. Дело хорошее. Только вот как вы воевать будете при такой дисциплине?

– А вы нам винтовки дайте и увидите! – крикнули откуда-то с верхних рядов аудитории.

– Что винтовку, что палку тебе дай – результат будет один. Я таких нагляделся в белофинскую. Все вместе вы не стоите взвода обученных бойцов. Это я ещё преувеличиваю ваши возможности. Воевать вы, понятно, собрались в пехоте. Так как танкистов, лётчиков и артиллеристов среди вас не наблюдается. И тут вопрос к вам – много ли стоит пехотная рота из очкариков с медицинским образованием? Не хочется огорчать вас честным ответом. Но вот если вы станете врачами и каждый из вас вернёт в строй хотя бы пяток танкистов, да лётчиков с пехотинцами, то ваша цена тут иная выходит. Вот и кумекайте. А сейчас приказ. Всем по домам. Завтра лица

мужского пола, перешедшие на пятый курс, явятся с запасом еды на три дня, сменным бельём и предметами личной гигиены к девяти ноль-ноль. Будете командированы на обучение в филиал военной медицинской академии в город... пункт назначения узнаете из предписания. Такие вот дела. Воевать начнёте через полгода военврачами. И чтоб учились не как раньше. Каждая ваша двойка в военное время – предательство, дезертирство и пособничество врагу. Можете идти. Завтра наши отношения изменятся. Для вас начнётся военная жизнь. Вы же тут сами записались. – И военком придавил рукой к столу листки с нашими заявлениями на фронт. А вечером следующего дня я следовал по указанному мне предписанию в город Горький. И это была уже иная жизнь, в которой Нэллы не было.

Я буду «добрым хирургом», – так сказал мой наставник в последний день учёбы. Это был профессор из Киева. Эвакуированный. Минск немцы взяли ещё раньше. Как и Прибалтику. Тешил себя надеждой, что, коли из Киева успели эвакуироваться, то Нэлла тоже вполне могла выбраться из Минска или Литвы. Стараясь не уяснять тот факт, что военные не профессора и эвакуации не подлежат. Ещё через полгода осмелел до разговора с раненым в бедро и голень полковником. Одна нога в гипсе, другая на вытяжении. Кость и рана гнили. Практически каждый день я лазил в его рану, вымывая и вычищая её. Через сутки гноя было ещё больше. Профессор на обходе заявил, что единственный выход – выскокая ампутация. С рядовым бы и разговаривать не стали. Но полковник взъярился.

– Лечите так. На фронте я и хромым сгожусь, а вот безногим едва ли.

– Так ведь помрёте же. голубчик, от интоксикации и заражения крови. Вы и так на грани сепсиса. А оттуда не возвращаются.

– Не помру, а погибну, – поправил полковник. – Служба. Либо воевать, либо по-

гибать. Однозначно. Вот и лечите меня, чтоб воевать, а если не выйдет, пусть небесная канцелярия решает, в раю или аду продолжать службу. Но небоеспособным инвалидом я отсюда не уйду.

Профессор хмыкнул и отстал от полковника. Я же с ним возился без всякой надежды на успех. Тогда ведь ни антибиотиков, ни приличных антисептиков, ни барокамеры. Но тут я обратил внимание на несколько случаев излечения с подобной проблемой у солдатиков в соседнем корпусе. Но прежде чем лечить полковника, честно объяснил суть метода. Полковник слушал, недоверчиво хмыкал, крутил головой, но согласился.

– Мерзковато, но что делать?

Утром я оставил его рану открытой и запахнул окно. День был тёплый, солнечный, а посему ничто не препятствовало моей задумке. Вернулся в палату через час.

– Ну как, были?

– Ещё как ползали. Я ведь гнию и воняю, как дохлая лошадь.

– Ну и ладушки. Теперь остаётся только ждать.

– Пока нога сама не отвалится, – горько пошутил полковник.

На третий день в ране завелись червяки. Ещё через двое суток это уже были черви, и полезли из раны не стесняясь.

– В жизни не видал такой мерзости, да ещё на себе, – кривился полковник.

– Ничего, ничего, – ободрял я полковника, собирая самых наглых опарышей пинцетом в банку.

– Доктор, вы если это, с ними на рыбалку, то ухой потом хоть угостите. На меня хорошо клевать должно. А уж ушицы-то хочется, прямо как брату Федыке.

Однако шутить он стал чаще, и цвет кожи менялся с серо-землистого на просто бледный. Интоксикация, факт, спадала.

– Тяжело в лечении,.. – успокаивал я пациента.

– Легко в гробу, – заканчивал он.

– Нет, товарищ полковник, или голубчик, как говорит наш профессор, вы уже проходите твёрдо по нашему ведомству, и ангелы с чертями оставили всякие претензии на вас.

Кстати, лечение проходило мимо глаз профессора. Однако через дней девять он вспомнил о полковнике и спросил.

– Ногу-то ещё успеем ампутировать? Или всё? Упустили шанс. Теряем больного?

– Отнюдь, – доложил-похвастался я, – рана практически очистилась, интоксикация спала. Теперь дело за костью. Будем надеяться, что срастётся.

Профессор глянул на перевязке в рану и хмыкнул.

– Рана на пять с плюсом. И кость срастётся теперь. Куда она, голубушка, денется!

И вот как-то, после очередной перевязки, я завёл с полковником тяжёлый разговор. Рассказал про нашу историю с Нэлой и спросил, как могут обстоять дела. Полковник долго молчал, потом ответил.

– Надеяться, как и воевать, надо до последнего. Но видишь ли, брат. Нехорошие дела, по нашим сведениям, происходят на временно оккупированной немцем территории. Она же, как понимаю, у тебя еврейка и член семьи комсостава. Тут у немцев по обоим пунктам разговор короткий. Но война дело такое, что всякое случается. Я вон тоже ведь на тот свет собирался. А ты меня выручил. Думается, и там найдутся хорошие, советские люди. Но лучше, если она до Литвы всё же не успела доехать. Буду выписываться, ты мне её данные черкни, вернее отца. Я попытаюсь потом по своим каналам разузнать о нём. Это реальней. А там и с ней, может, что выяснится.

Полковник слово своё сдержал. Через месяцев семь меня вызвали в особый отдел. С неприятным холодком я открыл обитую роскошно, по военному времени, коричневым дерматином дверь с невзрачной табличкой. В комнате находился

майор в новых пехотных погонах. Петлицы отменили, считай, меньше недели, а он уже успел, – подумал я некстати. Майор дотошно проверил мои документы. Поинтересовался моей работой и как обязан знакомству с генералом таким-то. Я честно ответил, что знакомых генералов у меня нет. В нашем госпитале выше полковника никто не лечился. Майор усмехнулся одним уголком рта и протянул узенькую бумажку. Предупредил: читайте здесь. Я прочитал. «Военная часть № такая-то под командованием подполковника, – здесь шла знакомая фамилия, – вступила в бой 23 июня 1941 года. Командир погиб в бою, остатки подразделения попали в окружение. Ввиду сложной военной обстановки и быстрого продвижения противника, эвакуацию семейного состава организовать не представилось возможным». Я сидел, не понимая канцелярский слог написанного и поняв всё.

– Ознакомились? – строго поинтересовался майор и протянул руку. Затем щелкнул зажигалкой и поджёг бумагу. В пепельнице остался пепел. Только недалёкий человек решит, что это был просто пепел от бумажки.

– Так вы свою Нэлу больше и не встретили? – прорвался из семидесятых в его историю я.

– Как сказать, – ответил после паузы доктор. – Я искал её лет пять кряду. По разным вариантам. В Минске прошёл, считай, по всей улице, где она жила, в школу, где училась, с одноклассниками встречался. Так как ей объявиться в случае чего прямой резон был именно в Минске. Но толку было мало. Во время войны в Белоруссии народ изрядно побили, про евреев и говорить нечего. Не нашёл я никого и ничего. Никакой зацепочки. В Литву съездил. Там вообще искать бесполезно. Они только фашистов помнят да своих лесных братьев.

Да, и если честно, больше была потребность пройти по тем местам, где ходила

она на своих низких каблучках, увидеть людей, которые видели её. Услышать отзвук её имени, найти след её тени, извлечь о ней что-то из людской памяти. Я понял, что, зная её, катастрофически не знаю о ней. Как жила эта девочка в своём счастливом довоенном детстве? Под какими деревьями смеялась, где плакала за свою тройку по математике? Я жаждал знать каждый её день, час и минуту её жизни. Ничего я не нашёл.

Ну а то, что найти её не получится, было и так ясно. Мой ленинградский адрес и адрес моих родителей она тогда выучила наизусть. Память у неё, хвасталась, изумительная. Но по всем этим адресам меня не искали.

Время лечит. Нет не лечит, а рубцует раны. Вроде, всё и зажило как. Но болит периодически. Однако женился я со временем. Семья, дети, дом – всё как у всех людей. Полагается. Несколько лет назад выделили мне путёвку. Туристическую. Так бы я лучше в санаторий, да и путёвка по Прибалтике. Не хотел я туда больше. Но жена пристала: съезди. Отдохнёшь. Колечко с янтарём привезёшь. Ширпотреб опять же там всякий побогаче, чем у нас тут. В общем, поехал. Экскурсии. Поверните голову направо, поверните голову налево. Тут то, тут это, здесь вообще охренеть от красоты. А я в каком-то полном равнодушии ко всему этому и странном волнении одновременно. Сон вдруг приснился. Уже лет пятнадцать не снилось, а тут опять. Целует меня, целует, кто не видно, но я-то знаю. Жена и та знает. Раньше мне часто снилось. Жена пересказывала, кого я во сне зову. Поначалу ревновала, но потом успокоилась. У народа в то время понятие о войне было, не как сейчас. В общем, приснилось, а с утра так нехорошо защемило за грудиной. Подумал невесело: поехал за янтарным колечком, а вернусь со стенокардией. Поначалу нас в какой-то собор потащили. Орган послушать, а боль-

ше показать. Потом покормили в общепитском варианте, и вроде в гостиницу должны были ехать, а повезли в лагерь. На экскурсию. В немецкий лагерь смерти. Народ из зала в зал переходит, экскурсовода слушает. Тот бодро цифрами сыпет. Экспонаты объясняет. И тут в последнем зале стеклянный квадрат, метра три в длину по сторонам и сантиметров тридцать высотой. А там под стеклом куча волос. Косы, причёски и так далее. Тогда шиньоны в моде были, и кто-то даже решил, что это они и есть. Но экскурсовод объяснила, что рачительные немцы волосами узников концлагеря набивали тюфяки. Вот этими самыми волосами. Экскурсия на выход. Я, чуть приотстав, за ней. Уже выходил, когда из тусклого балтийского неба прорвался солнечный луч. Прямо на этот квадрат.

И я увидел волосы своей любимой.

В этот момент зазвонил телефон. Кстати, некстати – тут как понимать. На дежурстве в больнице телефонные звонки ничего хорошего не гарантируют. Либо в приёмник по экстренной кого-то привезли, либо постовая зовёт к проблемному пациенту. Но тут оказался звонок из дома. В полпятого утра-ночи. Доктор слушал недолго, а затем начал ругаться в трубку.

– Слушай, тебе сто раз уже говорили! Да что говорили, уже было это не раз, а ты всё

туда же! Ревёт он у ней как резаный. Жалко, что драться не может, а стоило бы тебе пару раз... Положи подушку с ромашкой, тёплую, только сильно не перегревай. С тебя, бестолочи, станется! До ожога не доведи. Ну и что, что уже приложила? Нэллка, это же не волшебная палочка! Сразу не подействует. Пусть бабушка газоотводку поставит. Она знает, где зонд лежит. – Он швырнул трубку и объяснил: – Дочка это. Почти под тридцатник, второй ребёнок, а всё такая же дура. Нажрётся винограда, пирожных, а потом удивляется, что грудной ребёнок всю ночь с животиком мается. Ревёт как резаный. И сколько ей ни говори, что у кормящей матери, как у коровы: что на языке, то и в молоке, – всё бесполезно. И муж такой же раздолбай. Где они только отыскиали друг друга! Ведь ухаживал же приличный парень из нормальной семьи, а она... – доктор попал на любимую мозоль.

За окном давно светло. Дежурство идёт к концу. Ночь не удалась, но и не криминал. Случаются дежурства и похуже. Понятно, что мимо декольте замечательного халатика я пролетел фанерой. Однако работа и жизнь не сегодня закончатся. Всё ещё только впереди... впереди.

Ночь 18–19 декабря 2017